

О. Л. ВАЙНШТЕЙН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ИСТОРИИ

Кризис буржуазной исторической мысли чрезвычайно обострился за последние два-три десятилетия. Независимо от того, в чем видят современные буржуазные теоретики проявления кризиса и как они его объясняют, никто из них не отрицает самого факта. Они говорят не только о «глубоком методологическом кризисе историографии», не только утверждают, что историческая наука «зашла в тупик»,¹ но некоторые доходят до требования «порвать со старой методологией истории», которая «изжила себя», и создать «совершенно новую методологию», имея в виду, конечно, такую, которая сумела бы противостоять марксизму.²

Методологический кризис распространился и на смежные науки — историю философии, историю литературы, искусства и т. д., но наиболее яркое выражение он получил не в конкретно-исторических («эмпирических») трудах, а в философской, теоретической литературе.³ Антимарксистский и антикоммунистический характер всей этой литературы почти всегда отчетливо выступает наружу, тем не менее она представляет интерес не только как объект полемики в нашей борьбе за марксистско-ленинскую идеологию и методологию, но и как стимул к более активной творческой разработке теоретического наследия классиков марксизма.

¹ См., например: Othmar F. Anderle. 1) Teoretische Geschichte. Hist. Zeitschr., 1958, Bd. CLXXV, SS. 1—54.; 2) Die Geschichtswissenschaft in der Krise. Baden-Baden, 1958; Georg G. Iggers. The Idea of Progress in recent Philosophy of History. Journ. Modern History, 1958, v. XIX, № 3; Report of the Committee of hist. analysis of the Social Sciences Research Council, ed. by L. Gottshalk. Chicago, 1963; G. Barraclough. History in Changing world. Oxford, 1956.

² См.: G. Weiler. Fritz Mautner as an Historian. History and Theory, 1964, № 1. Мавтнера, буржуазного историка атеизма, Вейлер упрекает в том, что он был «неспособен порвать со старой методологией и создать новую».

³ Большая (но не исчерпывающая) библиография трудов по теории истории за 1945—1962 гг. приложена к сб.: Report of the Committee of hist. analysis. . .

Наши «эмпирические» историки, как правило, мало занимаются теоретическими проблемами своей науки, довольствуясь унаследованным и органически усвоенным методом исторического материализма и предоставляя философам задачу оттачивать и совершенствовать это могучее орудие познания. На Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г. в докладе акад. Б. Н. Пономарева, в выступлениях академиков Е. М. Жукова, М. В. Нечкиной, П. Н. Федосеева, П. Н. Поспелова и многих других представителей советской общественной науки отмечалась исключительная важность теоретических вопросов истории, отставание на этом участке исторического фронта и необходимость участия самих историков в их разработке.⁴ После совещания в этом деле наметились некоторые сдвиги, но еще явно недостаточные, притом затронувшие главным образом философов, но не историков.

Одним из препятствий, стоящих на пути «эмпирического» историка, стремящегося углубить свои теоретические знания, приобщиться к разработке методологических проблем и принять активное участие в критике современных направлений буржуазной теоретической мысли, является присущая нашей философско-исторической литературе неразработанность и подчас ненужная усложненность терминологии, а также противоречия в определении предмета, содержания и границ различных теоретических дисциплин истории и их отношения к основным разделам марксистской философии (гносеологии, диалектической логике, историческому материализму).

Наши философы, следуя в данном случае плохому примеру буржуазных теоретиков, до сих пор не договорились между собой об однозначном определении и применении таких понятий, как «методология истории», «философия истории», «теория истории», «социология», «логика исторического исследования», «эпистемология» и т. д. Так, например, в одной и той же книге — в сборнике «Марксизм и буржуазная социология» — даются противоречивые определения «социологии» и «социологической теории» как якобы отличной от «теории истории», причем исторический материализм рассматривается то как «социология», то как «метод

⁴ См.: Всесоюзное совещание историков. М., 1964. Б. Н. Пономарев: «Развитие исторической науки в свете новой программы КПСС требует усиления внимания к вопросам методологии, к философии истории» (там же, стр. 24); Е. М. Жуков: «Необходимо восстановить примат теории в исторических исследованиях» (там же, стр. 56); М. В. Нечкина отметила «глубокий разрыв между историком и методологией его науки. Методология исторического материализма отошла к философам. Они могут судить и судят об этом достаточно абстрактно» (там же, стр. 82); П. Н. Федосеев: «Одной из важнейших проблем. . . является проблема методологии истории, ибо в ней ключ к развитию истории, к решению важнейших актуальных задач, стоящих перед исторической наукой» (там же, стр. 191); ср.: там же, стр. 256, 370 сл., 385.

и теория социологии», то как «основа общей методологии социологии».⁵ Нетрудно также заметить проявляющуюся у разных авторов сборника тенденцию приписать социологии даже функции конкретной исторической науки («Социология — наука об общих законах и конкретных формах развития общества»⁶). Результатом смешения «эмпирической» и «теоретической» социологии и неясности их границ с исторической наукой является странное противопоставление «исторического метода в социологии» «социологическому методу в истории».⁷ Содержание и задачи социологии как науки трактуются многими так широко, что она фактически поглощает и методологию, и философию истории.

Такая же неясность в понимании содержания и задач ряда теоретических дисциплин истории обнаружилась при обсуждении доклада акад. П. Н. Федосеева и акад. Ю. П. Францева на заседаниях гуманитарной секции Президиума АН СССР в январе 1964 г.⁸ В самом докладе «О разработке методологических вопросов истории» имеется много ценных для историков соображений, но в последовавшей затем дискуссии выяснилось, что каждый из ее участников вкладывает в понятия «методология истории», «философия истории», «социология» и т. д. различное содержание, по-своему понимает отношение этих дисциплин к исторической науке и друг к другу.

Б. М. Кедров утверждает, что «никакой марксистской социологии нет и незачем ее придумывать» (История и социология, стр. 119), так как «исторический материализм — это и есть марксистская социология» (там же, стр. 121). Акад. М. В. Нечкина, памятуя слова В. И. Ленина, что Маркс «впервые поставил социологию на научную почву», считает «выражение марксистская социология приемлемым», но не видит никакой разницы между марксистской социологией и марксистской философией: для нее это «синонимы». Вместе с тем Нечкина отвергает как ненужный термин «философия истории» (там же, стр. 225). Философ Г. Е. Глезерман, наоборот, сожалеет о том, что «вместе с философией истории мы похоронили и некоторые ее проблемы» (там же, стр. 132). Он забыл добавить, что первыми «похоронили» филосо-

⁵ Марксистская и буржуазная социология сегодня. М., 1964, стр. 35, 131, 291—295, 311, 339. Ср.: Вopr. филос., 1964. № 8, стр. 135 сл.: «Исторический материализм — это марксистская социология»; «Исторический материализм есть наука об обществе в целом» (там же, стр. 137); «Исторический материализм есть философия марксизма» (с ссылкой на Энгельса; там же, стр. 140); «Исторический материализм — это 1) мировоззрение марксизма, 2) метод исследования в общественных науках» (в сб.: «Исторический материализм», М., 1962, стр. 354).

⁶ Марксистская и буржуазная социология сегодня, стр. 131.

⁷ В таком духе М. Т. Иовчук говорил на Всесоюзном совещании историков о «социологических исследованиях истории советского общества», что, видимо, следует отличать от исторических исследований того же общества!

⁸ См.: История и социология. М., 1964.

фию истории современные буржуазные философы (см. ниже, стр. 16 и сл.). Еще один участник дискуссии, Ц. А. Степанян, смешивает философию не с социологией, как это делает М. В. Нечкина, а с методологией (там же, стр. 181 сл.). У историка В. П. Данилова свой подход: он включает социологию в состав методологии (там же, стр. 254), тогда как М. Я. Гефтер включает методологию в историю («методология истории — это теоретическая дисциплина внутри исторической науки»; там же, стр. 150).

Вся эта разногласица, по-видимому, вызвана тем, что одни считают исторический материализм только философией истории, другие — только или преимущественно социологией, третьи — методологией. Таким образом, мы в сущности недалеко ушли от формулы С. Н. Быковского, автора первого советского учебника по методике исторического исследования, который ставил знак равенства между методологией, социологией и философией истории, полностью отождествляя эти дисциплины.⁹ Ближе всех подошли к пониманию комплексного характера исторического материализма А. Вербин и А. Фурман,¹⁰ которые в своей книге дают следующее определение: «... исторический материализм является одновременно и философией, и социологией». Однако, как мы увидим ниже, и такое определение недостаточно, во-первых, потому, что в нем забыта методология истории, во-вторых, потому, что в нем отсутствует представление об историческом развитии самого исторического материализма как науки, заключающей в себе все теоретические дисциплины истории в *нерасчлененном виде*, по в настоящее время в связи с усложнением научных знаний обнаруживающей тенденцию к их выделению и обособлению в качестве самостоятельных наук.

В последнее время советские философы стали уделять много внимания еще одной теоретической дисциплине истории — «логике исторического исследования» или «познания». Б. А. Грушин, один из первых советских философов, специально занявшихся этим предметом,¹¹ отметил прежде всего «серьезные трудности терминологического порядка», вызывающие необходимость создания «новой терминологии» наряду с использованием «старой». Однако уже при определении задач «логической структуры способов исследования», примененных Марксом в «Капитале», Грушин, вопреки своему же положению, что «существующая в ло-

⁹ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. ГАИМК, Л., 1931, стр. 9: «Тем отделом научного знания, задачей которого является установление... основных особенностей течения исторического процесса, ... служит методология истории, или, иначе, социология, или же, наконец, по неудачной старинной терминологии (!), философия истории» (курсив наш, — О. В.).

¹⁰ А. Вербин и А. Фурман. Место исторического материализма в системе наук. М., 1965.

¹¹ Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы развития его научного воспроизведения). М., 1961.

гике символика, созданная для изображения связей типа конъюнкции, импликации и т. д.), непригодна «для... оперирования мыслительными зависимостями» в области сложнейших отношений общественного развития, пошел по пути нагромождения символика и абстрактных понятий, заимствованных из математической логики. Его попытка на основе анализа «Капитала» дать «общую характеристику логических закономерностей мышления, направленного на воспроизведение процессов развития объекта» (Очерки логики исторического исследования, стр. 36) вряд ли может способствовать более углубленному пониманию исследовательского метода Маркса.

Другие авторы — П. В. Копнин, П. В. Таванец, Л. Б. Хоруж, Г. М. Андреева, М. А. Барг¹² — претендуют, подобно Грушину, на то, чтобы «путем создания логики научного исследования», «оказать влияние на ход научного знания... помочь специалистам различных областей науки решать стоящие перед ними задачи». Однако подобная заявка еще очень далека от реализации, по крайней мере в области исторической науки. Перед специалистами-историками во всяком случае эта теоретическая дисциплина выступает прежде всего как темный лес терминологических излишеств вроде «формальной импликации», «материальной», «каузальной» и пр. «импликаций», вроде «экспликаций», «экспликандов» и «экспликатов», вроде схоластического различия «категорий» логики научного исследования (проблема, факт, система, теория) и «понятий» той же логики (концепция, идея, интуиция, гипотеза)¹³ или вроде названий мнимых дисциплин «социология познания», «эпистемология».¹⁴

По тому же пути широкого применения абстрактных понятий математической логики идет историк-медиевист М. А. Барг в статье «Структурный анализ в историческом исследовании».¹⁵ Исходя из признания «принципиальной идентичности логической

¹² П. В. Копнин. Логика научного исследования. Вопр. филос., 1964, № 3; П. В. Таванец. Логика научного познания. Там же; Л. Б. Хоруж. Критика теоретических основ буржуазной «социологии познания». Там же; Г. М. Андреева. Методологическая роль теории на разных этапах социального исследования. Вопр. филос., 1964, № 7; М. А. Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. Вопр. филос., 1964, № 10.

¹³ П. В. Таванец (Логика научного познания) утверждает, что «без выработки сознательной позиции в области логики и методологии науки немислимо серьезное и творческое исследование в науке», что верно в отношении методологии, но сомнительно в отношении «классической экстенциональной логики», будет ли она «модальной» или еще какой другой. Ср.: Alan W. Doagap. Historical explanation. History and Theory, 1964, № 1.

¹⁴ Л. Б. Хоруж (Критика теоретических основ... стр. 114 сл.) критикует буржуазную «социологию познания», но не разъясняет, каково содержание марксистской «социологии познания». А ведь «социология познания» — это выдумка буржуазных социологов и философов-идеалистов Э. Дюргейма, К. Маннгейма и М. Шеллера! Об «эпистемологии» см. стр. 29.

¹⁵ Вопр. филос., 1964, № 10.

природы общественных и естественных наук», он переносит в рассуждения о логике исторического исследования терминологию, применяемую в работах по кибернетике, — «модель», «структура», «сочленение» и «вычленение», «авторегуляция системы» и пр. Много ли поймет или узнает историк, прочитав у Барга, что «общество — это сочленение элементов связей и зависимостей внутри и между множеством самостоятельных систем — в рамках самодвижущихся и саморегулирующих, в рамках единого механического движения формации. . .», или из более короткого определения общества как «субстрата определенным образом сочлененных связей и зависимостей», образующих «скрытый от взора механизм общественной жизни». Если еще можно понять смысл словосочетания «динамика общественного развития» (хотя о статике развития говорить не приходится), то очень трудно представить себе (даже встав на позицию Дильтея насчет «структуры сознания»), что такое «структура самой исторической динамики». Нагромождение таких абстрактных формулировок М. А. Барг называет «дальнейшей структуризацией. . . исторического метода Маркса и одним из плодотворнейших путей. . . его осмысления». Но невозможно понять, что означает «структуризация метода» и почему метод Маркса нуждается в «осмыслении».

В связи с увлечением некоторых теоретиков истории кибернетикой и ее терминологией нельзя не вспомнить о таком же увлечении философов XVII—начала XVIII в. терминологией математики и механики в период быстрых успехов этих наук. Помимо такого общеизвестного примера, как «Этика» Спинозы и другие философские произведения XVII в., изложенные «modo geometrico», в строго математической форме, сошлось еще на малоизвестный трактат английского ученого Крэга «Правила доказательств в исторических трудах» (Craig, «Rules of historical evidence», 1699).¹⁶ Наряду с математическими терминами здесь широко применены сложные алгебраические формулы и вычисления для обоснования самых тривиальных положений. С этими формулами и уравнениями почти 270-летней давности удивительное внешнее сходство имеют уравнения современных американских социологов-неоинституционалистов, по сравнению с которыми логические схемы и графически выраженные формулы Грушина выглядят элементарными. Увлечение математической символикой сказалось и на весьма спорном утверждении И. С. Кона, который «одним из главных показателей методологической зрелости» считает то, «насколько та или иная наука может количественно (т. е. в математических формулах, — О. В.) выразить

¹⁶ Это произведение издано на латинском языке оригинала с английским переводом в Приложении к № 4 журнала «History and Theory» за 1964 г.

свои закономерности»,¹⁷ что, впрочем, не мешает ему признать многие сложные формулы (например американского социолога Рашевского) ненужными, не дающими знания. Во всяком случае с этой точки зрения исторической науке, вероятно, никогда не суждено достигнуть зрелости, ибо ее важнейшие закономерности не поддаются сведению к математическим формулам.

Ни в одной из известных мне советских теоретических работ не поднимается вопрос о соотношении логики исследования (или познания) и методологии науки. Часто обе дисциплины отождествляются, например у В. П. Садовского, который определяет методологию науки как «совокупность гносеологических проблем, . . . имеющих своей целью специальный анализ научного знания». ¹⁸ П. В. Копнин присоединяет к этому определению еще «круг вопросов, относящихся к . . . постижению общих закономерностей развития науки»,¹⁹ но и для него логика познания составляет почти все содержание методологии. В таком смешении задач обеих дисциплин наши теоретики мало оригинальны: уже Кант, введший в философию термин «методология» (до него употребляли только слово «метод»), отождествлял ее с логикой. В новейших зарубежных энциклопедиях методология либо рассматривается как «часть логики»,²⁰ либо, наоборот, логика является (как и у Копнина) частью методологии, либо логика исследования и методология целиком и полностью совпадают.²¹

В специальных трудах по методологии истории «методология», или «исторический метод», тесно увязывается с философией истории и определяется (например у Бернгейма), с одной стороны, как дисциплина, ставящая «основные проблемы о сущности, задачах и принципах исторической науки», с другой — как совокупность правил сбора источников, их внутренней и внешней критики «для установления фактов и познания связей между ними». ²²

Точно так же и крупнейший русский буржуазный теоретик истории акад. А. С. Лаппо-Данилевский отмечает, что методология истории ставит себе две задачи: «она стремится дать теорию

¹⁷ И. С. Кош. Позитивизм в социологии. Л., 1964, стр. 174. Когда Маркс говорит, что наука достигает совершенства там, где ей удается пользоваться математикой, он имеет в виду отнюдь не исторические законы, а использование статистических данных, допускающих применение математики (теории вероятностей и т. д.).

¹⁸ В. П. Садовский. Проблемы методологии дедуктивной теории. *Вопр. филос.*, 1963, № 3, стр. 64.

¹⁹ *Вопр. филос.*, 1964, № 3, стр. 61.

²⁰ Например, в «Dizionario di cultura universale» (v. IV, ed. 2, 1958—1959, s. v. Metodologia).

²¹ См. *Enciclopedia Italiana s. v. Metodologia*.

²² E. Bernheim. *Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*. Leipzig, 1908; ср.: A. Meist er. *Methodik, Grundzüge der historischen Methode*. Leipzig—Berlin, 1923 (сюда входит и написанная проф. Отто Брауном глава «Geschichtsphilosophie», в которой методология обозначается как «формальная философия истории»).

исторического знания и выявить методы исторического изучения». Первая задача носит философский, гносеологический характер, вторая — источниковедческий. На этом основании Лаппо-Данилевский предлагает различать в историческом методе методологию исторического построения и методологию исторического источниковедения.²³ Такова же и позиция А. Малевского и Ю. Топольского, двух польских авторов книги «Исследования по методологии истории».²⁴ Широкое понимание задач методологии получило отражение и в БСЭ (изд. 2), где отмечаются как два основных раздела методологии «учение о методе познания мира» и «совокупность приемов исследования, примененных в какой-либо науке».

Этому противостоит новое господствующее в буржуазной литературе узкое понимание методологии истории только как собрания правил анализа источников и построения исторической работы. Еще Ланглуа и Сеньобос в своем известном «Введении в изучение истории», которое буржуазные теоретики ныне иронически называют «библией позитивистской историографии», интересовались исключительно техникой исторического исследования и пренебрежительно отзывались о философско-исторической части книги Бернгейма как о «метафизике».²⁵

Такая же позиция характеризует новейшие учебники по методологии и так называемые «Введения в историческую науку». Их авторы — Л. Альфен, Л. Готшалк, П. Кири, И. Вансина, В. Люси и др. — посвящают свои работы главным образом или исключительно технике исторического исследования. Так, например, Вансина определяет исторический метод как «совокупность высказываний и нормативов, необходимых для получения новых знаний»; для Люси «исторический метод есть совокупность правил и действий, имеющих целью разыскание всевозможных свидетельств, их критическую оценку, проверку фактов в их причинной связи и изложение этого упорядоченного знания». Точно так же в недавно вышедшем французском коллективном труде «История и метод» (под ред. Ш. Самарана) читаем: «Исторический метод — это совокупность постоянно совершенствуемых технических операций, которые эрудиция ставит в распоряжение историка».²⁶ Многие социологи, смешивая свою науку с мето-

²³ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. 1. Ггр., 1923, стр. 6—7.

²⁴ A. Malewski, J. Topolski. Studia z Metodologii Historii. Warszawa, 1960.

²⁵ Ch. - V. Langlois et Ch. Seignobos. Introduction aux études historiques. Ed. 3. Paris, 1905; см. русский перевод с изд. 1. 1898 г. (Ш. - В. Ланглуа и Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899): «Бернгейм пространно толкует о метафизических (?) вопросах, которые мы считаем лишенными всякого интереса» (стр. 9).

²⁶ L. Halphen. Introduction à l'histoire. Paris, 1948; L. Gottshalk. Understanding of history. A primer of historical method. N. Y.,

логии, считают ее единственной задачей разработку техники эмпирического исследования в общественных науках.²⁷ Нельзя считать случайным и то, что в томах, которыми открываются отчеты международных исторических конгрессов, например в 1955 и 1960 гг., и которые носят название «Методология и вспомогательные науки истории», мы находим главным образом доклады по вопросам вспомогательных наук.

У классиков марксизма-ленинизма мы не найдем специального определения методологии истории, которую они называют «историческим методом» или «исторической теорией». Несомненно, как отмечалось выше, исторический материализм как теория диалектического развития общества, заключающая в себе и философию истории, и социологию, и метод исследования, являясь в представлении Маркса, Энгельса и Ленина совокупностью всех этих теоретических дисциплин в нерасчлененном виде. Они подчеркивали то социологическую, то философско-историческую сторону своего учения, то его гносеологическую основу. В. И. Ленин в работе «Что такое друзья народа. . .» отмечает: «Диалектическим методом. . . Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, сводящийся к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций» (Соч., т. 1, стр. 165); в статье «Карл Маркс» Ленин пишет: «А диалектика, в понимании Маркса. . . включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией» (Соч., т. 26, стр. 54—55). Точно так же у Г. В. Плеханова подчеркиваются «в историческом методе» Маркса и философско-историческое, и социологическое его содержание, и его гносеологическая основа. В его работе «Основные вопросы марксизма» хорошо показано, что «материалистическое объяснение истории имело прежде всего методологическое значение» и что оно вместе с тем является «социологией» (см.: Избранные философские произведения, т. III, стр. 146 сл., 184, 192—193; ср.: там же, т. I, стр. 172).

Все эти и многие другие аналогичные высказывания не оставляют сомнений в том, что марксистско-ленинская методология не включает как раз того, что буржуазные теоретики считают в ней важнейшим, — техники исторического исследования.

И это вполне понятно. Техника исторического исследования, как и всякая техника, приобретает определенную идеологическую, классовую окраску лишь в зависимости от того, какому классу она служит. Подобно тому, как одна и та же машина в капитали-

1954; P. Kirn. Einführung in die Geschichtswissenschaft. Berlin, 1959; I. Vansina. De la tradition Orale. Essai de la méthode historique. Fesvurn, 1964; W. L. Lucy. History: Methods and Interpretation. Chicago, 1958; L'Histoire et ses méthodes. Sous la direction de Ch. Samaran. Paris, 1961, Préface.

²⁷ Цит. в сб.: Марксистская и буржуазная социология сегодня, стр. 391 сл.

стическом обществе работает на капитализм, а в социалистическом — на коммунизм, так и буржуазная, столетиями совершенствовавшаяся техника исторического исследования может служить и историку-марксисту для его позитивной работы в борьбе с буржуазным, идеалистическим пониманием исторического процесса, и историку — апологету капитализма. Ведь мы нередко говорим о высокой исследовательской технике какого-нибудь видного буржуазного историка (Петрушевского, Ключевского и т. д.) независимо от его политических и идейно-философских взглядов.²⁸ Оставляем здесь без рассмотрения вопрос о влиянии методологии на технику исторического исследования. Несомненно, применение марксистско-ленинской методологии способствует совершенствованию исследовательской техники, вводя в операции внешней критики источника (выяснения его происхождения, личности создателя, датировки и пр.), а тем более в операции внутренней критики понятие органической связи источника со средой, временем его создания, с классовыми и партийными интересами создателя, т. е. общие принципы марксистско-ленинской методологии.

Некоторые резко враждебные марксизму теоретики, как бы стремясь подчеркнуть органическую связь техники исторического исследования с идеалистической концепцией истории, пытаются первую растворить во второй. Этим, нам кажется, можно объяснить недавние попытки создать «новую», «синтетическую» дисциплину — «теоретическую историю», или «формальную философию истории». По мысли главных защитников новой дисциплины Яна Ромейна и Отмара Андерле она должна заниматься, во-первых, чисто теоретическими проблемами (объективность истории, причинность, законы развития, «ритм истории» и периодизация, движущие силы исторического процесса и т. д.), во-вторых, — проблемами истории, «которые специально не рассматриваются в обычной историографии», как, например, диктатура, революция, рост могущества государства, «общественная функция исторических мифов, признаков и схем», в-третьих, — историей самой историографии, в-четвертых, — техникой исторического исследования.²⁹ Задачами теоретической истории яв-

²⁸ А. И. Данилов ставит технику исторического исследования в зависимость от «каждого нового направления в исторической науке», что так же неправильно, как смешение независимости техники от идеологии с ее идеологической «нейтральностью». См.: А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958, стр. 8—9. Еще резче это выражено в статьях: В. П. Данилов и С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества. Вopr. истории, 1961, № 5, стр. 3—12; Г. М. Иванив. Свообразие процесса отражения действительности в исторической науке. Вopr. истории, 1962, № 12, стр. 26 сл.

²⁹ Впрочем, здесь у Ромейна и Андерле расхождение: первый исключает из «теоретической истории» «технику извлечения исторической истины»,

160991

ляются проверка и систематизация теорий о сущности и значении исторических явлений, логика образования общих понятий типа «феодализм», «капитализм», «реформация» и т. д., установление принципов критики наших знаний, выработка новой «методологии» исторической науки, наконец, создание «всемирно-исторической картины», или, по терминологии Андерле, «синописа» (греч. synopsis — общий обзор). Необходимость такой «синтетической» дисциплины мотивируется «банкротством» старой историографии, ее неспособностью ответить на новые требования, выдвинутые новыми условиями современности, особенно тем, что крайняя специализация и «бесплодный профессионализм историков» сделали их исторические труды недоступными и неинтересными для широкой публики, ждущей от исторической науки «совета, успокоения, ободрения», словом, «здорового оптимизма» в отношении перспектив развития капитализма.

С наигранным оптимизмом Андерле заканчивает обоснование «теоретической истории» словами: «Кризис истории — это кризис развития, трудности — это трудности рождения новой фазы, юность нашей науки — это гарантия ее будущего».

Однако составленная им широкая программа «теоретической истории» вместе с завершающим ее «синописом» представляет собой не что иное, как попытку использовать структуру марксистской теории — исторического материализма, включающего и социологию, и методологию истории, и философию истории как единое, связанное целое, и создать по этому образцу «синтетическую» теорию буржуазной идеалистической историографии. Такая перелицовка марксизма, впрочем, не получила признания со стороны наиболее консервативных теоретиков. Известный голландско-американский историк Питер Гейл и некоторые другие участники XI Международного философского конгресса в Брюсселе (1953 г.) высказались отрицательно о проекте «теоретической истории».³⁰ Вместо нее было предложено разработать «критическую философию истории», противостоящую «философии истории Кондорсе, Гегеля и Маркса», или «догматической философии истории», которую, как замечает воинствующий антимарксист Марру, «все историки (!) единодушно проклинают, видя в ней отрицание подлинной исторической науки». Но Марру относится весьма скептически и к новой попытке выхода из тупика, видя в «критической философии истории» только «рассуждения», напоминающие «обыкновенную философию истории в худшем смысле слова», другой французский философ — Э. Калло,

второй не видит для этого оснований. См.: J. R o m e i n. Theoretical history. Journ. Hist. of Ideas, 1948, v. IX; O. F. A n d e r l e. A plea for theoretical history. History and Theory, 1964, № 1. Цит. по англ. переводу.

³⁰ См.: Actes du XI Congrès International de philosophie, v. VIII, pp. 10—14.

прямо заявил, что из всех подобных предложений возникают только «мрак и путаница».³¹

Предшествующее изложение имело целью показать, что для дальнейшей разработки марксистско-ленинской теории истории необходимо предварительно выявить круг входящих в нее отдельных дисциплин, задачи каждой из них и границы между ними. В этом отношении, как мы уже могли убедиться, не только в буржуазной, но и в советской философской литературе имеется еще немало неясностей и путаницы. Нам нужна, как справедливо отмечает И. С. Кон в цитированной выше статье, «фронтальная критическая проверка и разработка — на базе марксизма-ленинизма — всего комплекса понятий и методов общественно-исторических наук». Здесь может быть бесполезной и предлагаемая попытка определить характер и упорядочить классификацию теоретических дисциплин истории.

Среди этих дисциплин центральной по значению и наиболее сложной по содержанию является методология истории.

Методология (нем. *Methodenlehre*) этимологически — «учение о методе или методах». Но что такое метод? В новейшей работе по историческому материализму находим следующее определение: «Метод — это *познанные закономерности* и особенности действительности, используемые как руководство для дальнейшего познания».³² Таким образом, некие закономерности были научно установлены, «познаны» (неизвестно, каким путем) еще до возникновения метода. А ведь как доказано еще в XVI в. Петром Рамусом, без метода не может быть и науки. Нам представляется поэтому, что более правильным и притом более емким является такое определение: метод — система тех принципов, исходя из которых познается предмет науки, и совокупность нормативов, описывающих природу и последовательность действий, необходимых для получения новых знаний об этом предмете (способы приобретения уже ранее накопленных знаний мы обозначаем словом «методика», о которой см. ниже, стр. 24).

Из данного определения следует, что исторический метод — это способ извлекать из исторического материала новое знание об исторических фактах и связях между ними, о процессах и их закономерностях, словом, обо всех элементах, образующих историческую действительность (ибо задача истории, как и любой науки, есть познание объективной действительности).

³¹ Н. У. Марроу. *L'Histoire et les historiens. Second chronique de Methodologie historique. Revue historique*, 1957, t. CCXVII, avril—juin, pp. 287 ss; E. Callot. *Ambiguités et antinomies de l'histoire et de sa philosophie*. Paris, 1962, pp. 10, 22, 26. Цит. в ст.: И. С. Кон. О современной буржуазной философии истории. Научн. докл. в высш. школе, Филос. науки, 1965, № 2, стр. 77.

³² А. Вербин и А. Фурман. Место исторического материализма в системе наук, стр. 76; ср.: там же, стр. 106 (курсив наш, — О. В.).

Однако термин «метод» применяется подчас очень широко и в сочетании с такими определяющими понятиями, которые сами требуют раскрытия и классификации. Если отбросить такие прилагательные, как «научный», «точный», «революционный», «надежный» и т. п., которые дают лишь общую оценку, но не сущность метода, можно будет предложить следующую классификационную схему методов, когда-либо применявшихся историками и социологами.

1. *Методы, зависящие от философского (онтологического) принципа подхода к исторической действительности, «анализа структуры и динамики общественного развития».* Они делятся в основном на две группы.

1. Методы материалистические, высшим и единственно научным представителем которых является диалектико-материалистический метод, а общей чертой — научно обоснованное (в марксизме) признание объективно существующих фактов, явлений, связей между ними и открываемых историком закономерностей общественного развития. Диалектико-материалистический метод в марксистско-ленинской теории называется *всеобщим методом познания*, без которого невозможны ни общественные, ни естественно-математические науки.

2. Разновидности идеалистического метода, например: а) исходящее из неокантианского учения о принципиальном различии естественных и общественных наук представление, согласно которому первые пользуются номотетическим, а вторые — идиографическим, или индивидуализирующим, методом исследования; б) позитивистский метод, возникший из эклектического соединения идеализма с элементами материализма при помощи теории «равноправных факторов» истории; в) чисто идеалистический метод «понимания» (*Verstehen*), опирающийся на «интуицию» и на «симпатию» к изучаемым явлениям, действиям исторических личностей, и т. п., — метод, который Жорж Лефевр определяет как попытку внести в методологию истории «метафизику экзистенциализма».³³

К числу методов, применяемых и естественными, и общественными науками, относится *индуктивно-дедуктивный метод*. В идеалистической теории индукция и дедукция — два различных и противоположных метода, в диалектическом материализме они нераздельно связаны. Как заметил уже Г. В. Плеханов, метод Маркса в «Капитале» одновременно и дедуктивный, и индуктивный. То же справедливо и в отношении ленинского «Развития

³³ G. L e f e v r e. H. I. Marrou. De la connaissance historique. Paris, 1956. *Revue historique*, 1957, fasc. 2, p. 335 ss. О методе «понимания» см.: G. S i m m e l. Vom Wesen des historischen Verstehens. Leipzig, 1918; J. W a c h. Das Verstehen, Bd. I—III. Tübingen, 1926—1933. Известно, что принципы «интуиции», «сопереживания», «понимания» впервые попытался обосновать В. Дильтей.

капитализма в России» и вообще ряда основополагающих историко-экономических трудов классиков марксизма-ленинизма. Для естественных наук необходимость сочетания обоих методов была уже в XVII в. доказана Галилеем. Отметим в связи с этим контроверзу о применении индукции и дедукции, возникшую в неопозитивистской философской литературе. Применение индуктивно-дедуктивного метода рассматривается более специально в логике исторического исследования, составляющей часть общей теории познания.³⁴

II. *Методы, зависящие от задач, которые ставит себе историк.* Сюда относятся следующие.

1. Метод *прагматический*, связанный с представлением о назидательном характере истории и приносимой ею практической пользе; отсюда исключительное внимание прагматиков к истории государства и вообще к политической истории. Вряд ли нужно подчеркивать, что прагматизм Фукидида, Полибия или историков XIX в. находится лишь в очень отдаленном родстве с субъективно-идеалистической англо-американской философией прагматизма.

2. Метод *генетический*, сущность которого состоит в особом внимании к зародышам, истокам, происхождению изучаемого явления, процесса, учреждения и пр. Генетический метод является одним из важнейших признаков историзма.

3. Метод *генерализующий* (называемый теперь преимущественно социологическим методом), применяемый при более или менее широких обобщениях, например при установлении закономерностей развития на определенном отрезке времени, у одного или нескольких народов. Социологический метод рассматривают обычно как метод особой науки социологии. Но это также метод исторической науки, употреблявшийся задолго до возникновения философии позитивизма и выделения социологии как особой дисциплины.

4. То же можно сказать о *философско-историческом* методе, возникшем с появлением интереса к всемирной истории и размышлениями о сущности, направлении, смысле и цели всемирно-исторического процесса, т. е. задолго до появления самого термина «философия истории» (впервые у Вольтера, в середине XVIII в.), методе, который ныне буржуазные теоретики относят к «догматической» философии истории.

III. *Методы, зависящие от способов получения элементов для построения исторической картины.* Среди них нужно различать научные методы, обеспечивающие получение реальных, объек-

³⁴ См. в книге советского философа И. Кона (I. S. Kon. Die Geschichtsphilosophie des 20 Jahrhunderts, Bd. I. Berlin, 1964, SS. 300—324) раздел о «логике исторического объяснения», где дана марксистская критика неопозитивистских теорий Хемпеля, Поппера, Гардинера.

тивных данных, и ненаучные, чисто субъективные методы, связанные с идеалистическим мировоззрением.

1. *Ретрогрессивный* метод, иногда называемый методом «обратных заключений», методом «переживаний». Этот метод позволяет восполнить недостаточность или отсутствие прямых указаний в источниках путем анализа пережитков прошлого в лучше известную более позднюю эпоху или же на основании позднейших социальных отношений, обычаев, нравов, учреждений и пр., делать заключения или объяснять характер отношений в отдаленном прошлом. Его спорадически применяли уже древние историки, например Фукидид и Аристотель, им широко пользовался Маркс, которому проникновение в сущность современного ему промышленного капитализма помогло понять роль торгово-ростовщического капитала в древности и в середине века, а проникновение в сущность капиталистической земельной ренты помогло глубоко понять характер ренты феодальной. Во Введении к работе, опубликованной в 1939 г. под названием «Очерки критики политической экономии» (Соч., т. 12, стр. 731) Маркс писал: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения. . . , дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что имелось лишь в виде намека. . . Буржуазная экономика, таким образом, дает нам ключ к античной и т. д.». Вот почему в I т. «Капитала» анализ капиталистического производства не начинается, а заканчивается историей первоначального накопления.

2. С ретрогрессивным методом, составляя с ним диалектическое единство, связан «прогрессивный» метод восхождения от ранних и более простых к более поздним и сложным явлениям и процессам с целью более глубокого понимания последних, что роднит его с генетическим методом. Так, Маркс для построения картины развитого капиталистического общества и выявления его структуры в I т. «Капитала» обращается к анализу зародышевых и простейших элементов капиталистической экономики в рамках докапиталистических форм хозяйства, таких, как товар, стоимость, деньги и т. д.

3. Метод *сравнительный*, позволяющий путем сопоставления явлений и процессов у народов, живущих в приблизительно одинаковых условиях, восполнять недостающие звенья в истории одного из этих народов. В логике такой принцип выражен формулой: если A и B имеют одинаковые признаки $a, в, с, d, . . .$, причем известно, что A обладает еще признаком e , то мы вправе считать, что и B при отсутствии всяких противопоказаний обладает тем же признаком. Предпосылкой правильного применения

этого метода является установление *однотипности* сопоставляемых явлений.

4. Со сравнительным методом часто смешивают метод *аналогий*. Между тем под методом аналогий нужно понимать суждение историка о мотивах или причинах действий личностей, партий, классов и т. д. в прошлом на основании данных личного опыта или социально-политического опыта своей эпохи либо, наоборот, использование данных исторического опыта, отложившегося в источниках, для понимания настоящего. Так, Энгельсу опыт германской революции 1848 г. помог глубоко понять причину поражения немецких крестьян в XVI в., а Ленин часто применял к объяснению событий и действий лиц и партий в период от февраля к октябрю 1917 г. метод аналогии с событиями времен Великой французской буржуазной революции («якобинство» большевиков, «бонапартизм» Керенского) или революции 1848 г. («луиблановщина») и т. д. Поэтому утверждение акад. П. Н. Федосеева и акад. Ю. П. Францева в их докладе 3 января 1964 г., что «методом аналогии Ленин никогда не пользовался» и что «это поверхностный метод буржуазного параллелизма», представляется нам следствием неопределенности термина «аналогия» (см.: История и социология, стр. 17).

5. Усиленно популяризируемый ныне на Западе «*психоаналитический*» метод, опирающийся на псевдонаучную теорию Зигмунда Фрейда. Яркие образчики применения этого метода мы находим в сборнике «Психоанализ и история», вышедшем под редакцией американского профессора Брюса Мэзлина в 1963 г.³⁵

6. Методы «*интуиции*», «*вживания*», «*сопереживания*», упомянутые выше, и близкий к ним «*имажинативный*» метод, т. е. требующийся от историка творческого воображения. Всё это способы постижения исторической действительности иррациональным путем, в лучшем случае — путем догадки, имеющей в основе неосознанный или осознанный личный опыт историка.³⁶

³⁵ Psychoanalysis and history, ed. and with Introduction by Bruce Mazlish. N. Y., 1963. См. в этом сборнике, например, статью Флюгеля (I. C. Flugel), On the character and married life of Henry VIII, в которой сделана попытка объяснить английскую реформацию сексуальной извращенностью Генриха VIII, одержимого фрейдовским «эдиновым комплексом».

³⁶ Классическим примером применения всех этих методов являются исторические труды Жюль Мишле, например его «История Франции» в 17 тт. В связи со значением, придаваемым многими буржуазными историками интуиции, следует отметить отрицательное отношение к этому методу со стороны ряда историков, выступавших на историческом симпозиуме в Гарвардском университете в июне 1961 г. Во введении к опубликованным материалам симпозиума (History and Theory, 1963, № 1) проф. Гейнц Любаш оценивает следующим образом позицию «интуитивистов»: «Притязание, что интуиция это особый и даже высший метод исторического знания... должно быть отвергнуто всеми, кто стремится к истине». С этим можно согласиться, поскольку имеется в виду претензия на систематическое обращение к интуиции как

7. Наконец, сюда следует причислить такие донаучные или антинаучные методы, как «схоластический», «цитатный», «компилятивный», которые характеризуются тем, что самостоятельная обработка исторических источников подменяется либо ссылками на авторитеты, либо заимствованием и механическим соединением материалов из чужих произведений.

IV. В зависимости от приемов обработки материала источников различаются методы: а) фактологический, б) риторический, в) аналитический, с которым тесно связан г) метод синтетический, д) каузальный.

Сущность каждого из этих методов дается самим наименованием и не требует пояснений. Все они встречаются в различных сочетаниях, например фактологический метод вполне совместим с риторическим, аналитико-синтетический — имеет своей предпосылкой метод каузальный, и т. д.

V. Методы, обозначаемые в зависимости от использования специфических методов какой-либо из смежных с историей наук. Сюда относятся: а) метод филологический, б) географический, в) юридический, г) статистический, д) этнографический, е) экономический, ж) психологический или социально-психологический, который не нужно смешивать с психоаналитическим методом фрейдистов.

Здесь не назван метод морфологический, выдвинутый К. Лампрехтом в противовес юридическому методу.³⁷ Самый термин заимствован из позитивистской социологии, представители которой широко пользовались терминологией и приемами естественных наук, в особенности биологических. Несмотря на то что Шпенглер и вслед за ним Тойнби пытались ввести морфологический метод в изучение истории культуры, он в настоящее время не встречается поддержки ни со стороны «эмпирических» историков, ни в буржуазной теоретической литературе. Что касается филологического, географического, статистического и прочих названных здесь методов, то они рассмотрены в цитированной выше польской работе Малевского и Топольского (A. Malewski, J. Topolski, «Studia z Metodologii Historii»), а критические замечания об их применении в буржуазной литературе — в книге И. С. Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (М., 1959, стр. 390—392).

Итак, рассмотренные здесь методы являются либо специфически историческими, либо общими у истории и ряда других общественных наук, либо всеобщими, т. е. лежащими в основе

методу познания. Вряд ли можно, однако, оспаривать роль, которую иногда играет интуиция, подсказывая ученому путь к решению какого-нибудь частного вопроса.

³⁷ Karl L a m p r e c h t. 1) Alte und neue Richtungen in der Geschichte. Berlin, 1896; 2) Zum Unterschiede der älteren und jüngeren Richtungen in der G. Wissenschaft. Hist. Zeitschr., Bd. LVII, 1896, SS. 257—261.

всех вообще наук. Незачем снова подчеркивать, что в любой исторической работе мы всегда найдем комбинацию нескольких методов. Описание, анализ и критика методов, которыми пользуются историки, и образуют основную теоретическую дисциплину исторической науки — методологию историн. Это определение расходится с обычным представлением о методологии как философской основе или принципах науки, представлением, особенно отчетливо выступающим в широко применяемых словосочетаниях «марксистско-ленинская методология», «буржуазная», «идеалистическая методология» и т. п. В таком духе Вербин и Фурман в работе «Место исторического материализма в системе наук» (стр. 87) пишут: «Методология науки — это философские вопросы науки», как будто другие теоретические дисциплины — логика исторического исследования, философия истории, социология — не содержат философских вопросов. С другой стороны, среди методов, рассматриваемых в методологии истории, имеются и находящиеся в непосредственной связи с философией, с общим мировоззрением, и стоящие ближе к технике исследования, например ретрогрессивный и прочие методы, названные на стр. 21. Да и сами Вербин и Фурман вынуждены сделать к своему определению оговорку: «Однако, пожалуй (!), нельзя сказать, что все философские вопросы данной науки — это методологические вопросы».

С методом нередко смешивают методика — термин, имеющий собственное значение. Методика представляет собой совокупность технических приемов и правил выявления, собирания, систематизации и формального изучения источников («методика источниковедения») и правила обучения какому-нибудь предмету («методика преподавания»). Первая, как и всё источниковедение в целом, принадлежит вместе с исторической библиографией, архивоведением, палеографией и пр. к вспомогательным дисциплинам истории, вторая является частью педагогики.³⁸

Наряду с методологией истории и в тесной связи с нею в теоретических работах по истории рассматривают социологию как общественную науку, имеющую собственные методы. Следует, однако, иметь в виду, что так называемый социологический метод — это не особый метод социологии, а как уже отмечалось, один из методов, применяемых историком, который не довольствуется описанием единичных событий и явлений в их причинной, хро-

³⁸ Вербин и Фурман в работе «Место исторического материализма в системе наук» (стр. 106) дают совершенно неприемлемое определение методики, они пишут: «...методика создается на основе того материала, который используется историком», забывая, что «на основе» этого материала создается историческое исследование, а не методика исследования.

нологической или иной связи, а поднимается до обобщений и установления закономерности общественного развития народов, учреждений или любого другого изменяющегося объекта исторического исследования.

В марксистско-ленинской науке история и социология неразрывно связаны. В основе социологических обобщений основоположников этой науки лежат их собственные конкретные исторические и экономические исследования. Однако в наш век крайней специализации в области исторической науки, неизбежной ввиду грандиозного объема имеющихся и вновь поступающих новых материалов, обобщения и закономерности, выводимые «конкретным» историком-исследователем на основе им самим добытых фактов, носят по необходимости ограниченный характер; в тех случаях, когда историк хочет обнаружить закономерность исторического процесса, далеко выводящую его за рамки его узкой специальности, он вынужден опираться и на чужие конкретно-исторические труды. При этом он не перестает быть историком и не становится социологом. Хотя в своих обобщениях историк, подобно социологу, производит логические операции, отбрасывая случайное, единичное, выделяя общее, повторяющееся, он не отрывается от исторической действительности: в историческом процессе логическое и конкретно историческое объективно присутствуют и тесно связаны. Поэтому мы полагаем, что И. С. Кон не совсем прав, когда он говорит о «методологической и логической специфике», отличающей историю от социологии. «Социология, — пишет Кон, — как общая теория исторического развития, как наука о структуре общественной жизни и закономерности ее развития, является теоретической дисциплиной. Ее основным методом является *теоретический, логический метод*».³⁹

Но такого специфического метода нет в природе. Любой вид рационального исторического метода предполагает осознанную или неосознанную теоретическую позицию и требует известных логических операций, изучаемых логикой исторического исследования. Если под теоретическим или логическим методом понимать вместе с Коном абстрагирование общих, повторяющихся черт явления или процесса от единичных и особенных, то ведь без такого абстрагирования не может обойтись ни один историк, разрабатывающий более или менее широкую тему. В марксистской историографии граница между конкретной историей и социоло-

³⁹ И. С. Ко н. *Философский идеализм...*, стр. 307 сл. (курсив наш, — О. В.). Приведенное определение социологии было бы понятнее, если бы автор показал, чем же оно отличается от определения философии истории как теоретической дисциплины. Между тем в статье 1965 г. «О современной буржуазной философии истории» (стр. 83 сл.) он пишет, что «историки с пользой для себя заимствуют некоторые методы и исследовательскую технику, применяющуюся в социологии», т. е. смешивают теоретическую социологию с эмпирической, которая действительно имеет свои методы и технику, используемые историками.

гией постепенно размывается, чисто описательная история для советского читателя утрачивает характер научности, социолог, игнорирующий источники истории, рискует оказаться в зависимости от чужих ошибок.

Следует заметить, что социология, о которой здесь идет речь, именовалась прежде «исторической», а ныне называется «теоретической». Именно к ней относится мое утверждение об отсутствии у нее в настоящее время своего специфического метода. Для марксиста она и не может быть не чем иным, как органической частью исторической науки, пользующейся такими специфическими методами истории, как сравнительно-исторический метод, методы аналогии, причинности, генерализующий, генетический и т. д.⁴⁰

Другое дело конкретная, или эмпирическая, социология, зародившаяся еще в середине прошлого столетия, но лишь в последние годы выдвинувшаяся как важная отрасль общественной науки со своими задачами и методами. Эта дисциплина изучает современное состояние общества — его структуру, общественное мнение, общественные движения, условия труда в определенных профессиях, географических пунктах, в отдельных крупных предприятиях. Она опирается на результаты общих переписей, частных обследований, на конкретные данные, опросы и т. п., причем все материалы обрабатываются статистико-математическим методом и становятся основой для социологических обобщений. В США, Англии и Франции, где эмпирическая социология получила особенно большое развитие, она находится на службе как правительственных учреждений, так — в особенности — монополий и крупнейших капиталистических корпораций. В социалистических государствах в связи с их плановой экономикой роль конкретно-социологических исследований возрастает с каждым годом.⁴¹

От эмпирической социологии в ходе ее дальнейшей дифференциации отделилась в качестве особой дисциплины политиче-

⁴⁰ Определения теоретической социологии, которые давались на протяжении XX в. поколениями буржуазных ученых, еще менее убедительны. Так, Де-Роберти (Социология и психология, Новые идеи в социологии, сб. второй, СПб., 1914, стр. 7—9) считает, что задачей социологии является изучение «глубоких причин внешних перемен в отношениях между людьми, их действий и их поведения. «Социология. . . справедливо и очень точно определяется как наука. . . о причинах, о факторах культуры в широком смысле слова». Она «всецело основана на психологии и истории как на двух отраслях эмпирического или чисто описательного знания» (там же, стр. 18), и т. д.

⁴¹ Немецкий социолог Ф. Теннис (Ferdinand Toennies, ум. 1936) подразделяет социологию на «чистую», «прикладную» и «эмпирическую». Но то, что он понимает под чистой и прикладной социологией, представляет собою теоретическую социологию. В работе И. С. Кона «Позитивизм в социологии» (стр. 102—106) отмечается так называемая типологическая теория Тенниса и развитие на ее основе «аналитической» социологии. В аналитической социологии, по нашему мнению, нет ничего, кроме той же теоретической социологии, но только особенно широко пользующейся аналитическим методом.

ская наука (political science). Американские теоретики определяют ее как «общественную науку. . . , которая наблюдает, описывает, объясняет, анализирует политические явления — государство, власть, право, законодательную систему, суды, политические партии, международные отношения и организации».⁴² В сущности эта дисциплина включает в свою программу изучение вопросов, которые рассматриваются частью исторической, частью юридической и экономической науками, частью эмпирической социологией. Политическая наука приобретает в последнее время «право гражданства» и у нас,⁴³ что объясняется как практическими потребностями, так и естественной растущей специализацией в области марксистско-ленинской общественной науки. Однако ни своего особого метода, отличного от методов исторической науки и эмпирической социологии, ни своей специфической техники исследования политическая наука не имеет.

Перейдем теперь к рассмотрению старейшей из всех теоретических дисциплин — философии истории, которая (в смысле общей концепции исторического процесса) родилась, можно сказать, почти одновременно с интересом к прошлому своего и других народов и с несколько позже возникшим интересом к будущему человечества в целом.

Уже в представлениях древних греков о «золотом веке» позади и о непрерывном ухудшении условий жизни, об изменчивости «фортуны», о круговороте истории государств и их политического строя имелись элементы философского рассмотрения истории. Затем следует богословская концепция библейских пророков и «Государство божье» Августина, сменившиеся оптимистической верой гуманистов XVI в. и, особенно, просветителей XVIII в. в непрерывный прогресс культуры; далее учение Сен-Симона о стадиях развития, позитивизм Кошта, диалектико-идеалистический синтез исторического процесса, предложенный Гегелем, — всё это важнейшие вехи на пути развития философско-исторической мысли, прежде чем она достигла своей вершины в научном коммунизме и в материалистической концепции истории.

Все более обогащаясь по мере роста исторических знаний и исторического опыта, по мере прогресса естественных и гуманитарных наук, философия истории постепенно утратила и прежнюю определенность содержания. Помимо общих законов движения истории человечества, теорий прогресса либо круговорота и связанных с ними вопросов исторической периодизации, помимо проблем свободы, детерминированности и случайности, роли личности

⁴² W. L. Lucey. History. . . , p. 5. «Политическая наука» в США отделилась от социологии и истории еще в конце XIX в. См.: I. W. Burgess. Political science and History. Amer. Hist. Rev., 1897, № 2, pp. 401—408. Тогда же появился и особый журнал «American Political Science Review».

⁴³ См.: Ф. Бурлацкий. Политика и наука. «Правда», 10 января 1965, стр. 4.

и массы, соотношений человека и географической среды, личности и общества, личности и государства, наконец, помимо обобщенной картины всемирно-исторического процесса, в философию истории были включены и теоретико-познавательные вопросы: значение и ценность исторического знания, его истинность или познаваемость, сущность понятия «исторический факт», принципы отбора фактов и критерии оценок, объективности или субъективности связей, устанавливаемых историком, и т. п. В конечном счете когда в философию истории были втянуты и проблемы логики исторического исследования и вся обширная область методологии, понятие философии истории стало тождественно понятию теории исторической науки. т. е. лишилось своей специфики как одной из теоретических дисциплин истории. Свидетельством такого широкого, всеобъемлющего понимания философии истории является, к примеру, содержание двухтомного труда И. С. Кона («Die Geschichtsphilosophie des 20 Jahrhunderts»), где предметом критического анализа являются как философско-исторические, так и социологические, методологические и гносеологические проблемы буржуазных теорий истории.

Расширение содержания философии истории за счет смежных теоретических дисциплин, идущее вразрез с естественным процессом дифференциации и специализации в любой науке, завершилось рассмотренными выше проектами создания «теоретической истории», «критической философии истории» и «формальной философии истории».⁴⁴

В советской философской литературе, наоборот, подчеркиваются прогрессивный характер специализации и ее неизбежность. Отсюда, в частности, господствующая у нас тенденция рассматривать проблемы логики исторического исследования не как одну из тем философии истории (или методологии), а как отдельную теоретическую дисциплину истории, ближе всего стоящую к общей логике и теории познания.

Логика исторического исследования, или познания, изучает логический процесс мышления историка (или социолога), вопросы диалектико-логической природы исторической действительности — диалектико-логической связи между общим, особенным и единичным, вопросы образования общих понятий, таких, как «класс», «эксплуатация», «развитие», «эволюция», «капитализм» и т. п.,

⁴⁴ См. стр. 16—17. Вряд ли нужно повторять, что в основе такого разбухания философии истории за счет логики исторического исследования лежит отвлечение буржуазных теоретиков к марксистской философии истории. Раньше других и наиболее откровенно сформулировал причину этой антимарксистской позиции историк атеизма Фриц Маутнер: «Сен-Симон верил в исторические законы и таким образом заложил основы лживой концепции истории, которую Огюст Конт так извратил фантастическими построениями, а позже, с появлением учения Маркса, это повело к уверенности в необходимости мировой революции» (Fr. M a u t n e r. Geschichte des Atheismus, Bd. IV. Berlin, 1923, S. 111).

и вообще роль абстрагирования в процессе исторического исследования, т. е. вопросы типизации, моделирования, различных оснований объяснения в истории в плане применения к исторической науке марксистско-ленинской теории отражения. При этом, разумеется, учитывается, что логическое отражение действительности не есть просто пассивное отображение ее, а, как говорил Энгельс, «исправленное», очищенное от случайного и несущественного.⁴⁵ Таким образом, содержание и задачи этой теоретической дисциплины отличны от содержания и задач философии истории.

Следует решительно отвергнуть попытку ряда новейших буржуазных теоретиков ввести в круг теоретических дисциплин истории так называемую эпистемологию. В последнем издании американской энциклопедии ей посвящена обширная статья, автор которой пытается весьма неубедительно обосновать ее право на существование. Эпистемология, т. е. теория знания, в сущности является неким гибридом методологии истории и гносеологии. Согласно пояснениям защитников этой мертворожденной дисциплины, ее содержанием должно быть происхождение, природа, классификация научных знаний вообще, в частности — методы и специфика исторической науки, проблемы истины, роль гипотез, «процесс интуиции» и прочих видов движения мышления, имеющих целью достижение новых результатов. Замечу, что в эпистемологии логика научного мышления совершенно оторвана от проблемы онтологии, которая рассматривается как чуждая знанию «метафизика». Логическое здесь не стоит ни в какой связи с историческим и отнюдь не является его «очищенным» отражением.

В итоге нашего рассмотрения мы можем выделить из *единой теории истории, т. е. из марксистско-ленинского диалектико-исторического материализма*, следующие четыре теоретические дисциплины истории:

- 1) методология истории;
- 2) теоретическая социология, утрачивающая самостоятельное значение по мере того, как в конкретных марксистско-ленинских исторических трудах все шире применяется социологический метод исследования;
- 3) философия истории (без всяких идеалистических добавлений «формальная», «теоретическая» и т. п.);
- 4) логика исторического исследования, познания, мышления.

Что касается таких дисциплин, как эмпирическая социология и политическая наука, которые занимают особое место в классификации общественных наук, то они не являются теоретическими дисциплинами истории.

⁴⁵ См.: М. Розенталь. О категориях исторического и логического. Коммунист, 1956, № 7, стр. 93.